

Таким образом, проведенный анализ прецедентных феноменов подтверждает справедливость слов Р. Барта: «Основу текста составляет... его *выход* в другие тексты, другие коды, другие знаки; текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности». Поэтому «всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту..., текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем *уже читанных* цитат – из цитат без кавычек» [12, 428].

Литература:

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 422 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и русская языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
3. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
4. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73-76.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб., 2000.
6. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.
7. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 1. – М., 1997. – С. 82-103.
8. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захарова, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
9. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты, Образные выражения. – М.: Правда, 1986. – 768 с.
10. Русский ассоциативный словарь. – Кн. 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ч.III. – М.: Изд-во ИРЯ РАН, 1998. – 204 с.
11. Национальный корпус русского языка / www.ruscorpora.ru
12. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – 616 с.

Мәтіндік редукцияның нәтижесі ретінде прецедентті феномендер талданып, олардың түрлері қарастырылады: прецедентті мәтін, прецедентті жағдай, прецедентті есім, прецедентті пікір, белгілі бір лингвомәдениетте олардың қызмет ету ерекшеліктері, тіл карнавализациясының көрсеткіші болатын трансформацияланған прецедентті мә-тіндер.

The article researches the precedent phenomena as a result of textual reduction, analyzes various types of it: precedent text, precedent situation, precedent name, precedent expression, features in different lingua cultures, transformatal precedent texts as a representation of a word-play of language.

Онимическая семантика и её специфика

В. И. Супрун¹, Г. Б. Мадиева²

¹д.ф.н., профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия

²д.ф.н., профессор КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена аналитическому обзору активной дискуссии о наличии/отсутствии значения у имён собственных, начавшейся еще древние века. Эта проблема постоянно получает новые импульсы для размышления при обращении к ранее не исследованным или слабо изученным именам, к специфическим разрядам и типам онимов, к языкам разной типологии и генеалогии. Каждое следующее осмысление этой проблемы становится новым шагом на пути к недостижимой цели – создать непротиворечивую и полную теорию имени собственного.

Дискуссия о наличии или отсутствии значения у имён собственных стала *res permanenta* для ономастики. Она велась учёными в момент зарождения науки, что прекрасно описано в монографии А.В. Суперанской (1973: 45-112), вспыхивала с разной степенью интенсивности в последующие годы. Мало кто из ономастологов

и лексикологов удержался от желания порассуждать о семантике онима. В современной лингвистике существуют различные взгляды на вопрос о значении и семантике имени: от структурно-языкового содержания имени собственного, «редуцированного» или ослабленного значения имени собственного, энциклопедическому

дического значения до полного отрицания значения у имени собственного (Мадиева, Супрун 2011: 145-146).

Е.С. Отин в своих работах по проблемам коннотации имён собственных (1994, 2000, 2004) проблему значения онима специально не затрагивает, оно для него – реально существующий факт языковой действительности: «онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имён нарицательных» (2004: 5). По его мнению, коннотонимы со вторично развившимися значениями являются ономастической универсалией, присущей словарному составу большинства языков мира (там же). Составитель первого в славянской лексикографии словаря коннотативных онимов воплотил в жизнь идею Л.В. Щербы – «определить вторые “нарицательные” значения собственных имён» (1974: 279).

Поскольку у имени собственного есть коннотация, созначение, то должны быть также денотация и референция. В недавно вышедшей в Болгарии ономастической энциклопедии имеется 7 статей об ономастической семантике, правда, сведённые в конце концов к двум исходным: *значение на оним, значение на име, ономастично значение, ономастична семантика, съдържание на име, значение на име, смисъл на име* (Балкански, Цанков 2010: 148-149). Нет необходимости переводить эти термины, поскольку по-русски они звучат примерно так же. При этом дважды повторяется дефиниция для рядом расположенных терминов *значение имени* и *значение онима* ‘сведения (информация, содержащаяся) в имени об индивидуальном объекте, который назван’. Приведён пример: *Иван* ‘человек с этим личным именем, индивидуальность которого конкретизируется обычно в комбинации с отчеством, фамильным, родовым именем или прозвищем’ (там же).

Это определение в целом корреспондирует с пониманием лексического значения слова, определённым в ЛЭС: «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нём представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.» (Гак 1990: 261). Введённые в обе дефиниции слова *сведения* и *содержание* можно рассматривать как синонимичные: *сведения* ‘факты, данные, характе-

ризующие кого-л. или что-л.’, *содержание* ‘отображённая в нашем сознании совокупность существенных признаков предмета или ряда однородных предметов (в логике)’ (Ефремова/III: 204, 343). При переводе толкования болгарского термина мы ввели дополнительную единицу *информация* ‘сведения об окружающем мире и протекающих в нём процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами’ (Ефремова/I: 879). Среди болгарских терминов встречается также *смысл имени*, в котором первая единица обозначает ‘внутреннее, логическое содержание (слова, речи, явления), постигаемое разумом; значение’ (Ефремова/III: 327).

В указанной болгарской энциклопедии термины *референт* и *денотат* используются как синонимы: *денотат на име* ‘всякий объект или явление, которые имеют индивидуальное имя, носитель имени, объект номинации, референт собственного имени’ (Балканский, Цанков 2010: 97). Определение референта собственного имени отличается только отсылкой к денотату и дополнительным терминосочетанием *объект именованного* (там же: 392). В книге имеются также термины *ономастичен референт* (там же: 309), *обект на именуването, обект на номинация, назоваване* (там же: 286).

В русской лингвистической традиции под референтом понимается «объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, данный речевой поток; предмет референции» (Булыгина, Крылов, 1990б: 410-411). Под денотатом может рассматриваться как обозначаемый предмет, так и «множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т.д.), которые могут именоваться данной единицей (в силу её языкового значения)» (Булыгина, Крылов, 1990а: 128-129).

Следует согласиться с мнением В.Г. Гака, что всякое слово в языке обладает лексическим значением (1990: 262). Вспомним лингвистический эксперимент Л.В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка». В этой искусственной фразе, созданной на основе фонетических законов и грамматических правил русского языка, все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков. Наше языковое сознание протестует против асемантичности входящих в предложение единиц. Как показали психолингвистические эксперименты с этим предложением, носители языка конструируют различные

фантомные объекты, соотносимые с мнимо полнозначными лексемами. Помимо классической (щербовской) интерпретации грамматической структуры предложения, в Интернете имеется немало примеров «хулиганских» вариантов прочтения: глокая – деепричастие (типа *играя, бегая*), существительное (*стая, горничная*), куздра – наречие (*вчера*), курдячит – существительное (*аппендицит*). Можно добавить в этот перечень ономастическое прочтение единиц, при котором антропонимами или зоонимами могут быть определены Куздра, Бокр, Бокрёнок, а также Штеко и даже Глокая (*Шургая, Широкая, Успенская*).

В.Г. Гак определяет, что имена собственные содержат элементы сигнификативной стороны значения, так как подводят единичный объект под некоторый класс объектов (1990: 262). При этом различаются языковые выражения с постоянной референцией (Луна, Земля, Солнце, Ходжа Насреддин), имеющие одноименный денотат, и единицы с переменной референцией, имеющие многоэлементные денотаты (Булыгина, Крылов 1990а: 129). Н.Ф. Алефиренко считает, что семантика онима располагает более дифференцированным, чем у апеллятива, контенционалом и менее объёмным экстенционалом; имена собственные выражают единичное понятие, а в речевом употреблении этот сигнификативный компонент значения модифицируется (1998: 167-168).

Возможно, имеет смысл говорить об особом онимическом значении слова. Сравним, например, семантические структуры слов *Волга* и *река* (семы апеллятива определены по БТС: 1114 и Ефремова/III: 115, онима – по БЭС: 219 и РВВО: 84-88).

Волга	река
Река	Водный поток
Крупнейшая в Европе	Естественный
Широкая	Непрерывный
Раздольная	Значительный
Символ России	Со стоком с площадей бассейна
Матушка	Текущий в русле
Впадает в Каспийское море	От истока до устья

Бросается в глаза, что у апеллятива выявлены действительно семы – минимальные предельные единицы плана содержания (Новиков 1990: 437), тогда как у гидронима представлены

«осколки» географической, когнитивной, лингвокультурной и пр. информации. Семы апеллятива предельны, а у гидронима устойчива только денотативная связь, остальные параметры произвольны, зависят от индивидуального объёма знаний и чувствований носителя языка. Е.С. Отин определяет, что «типичным, узуальным для названия *Ташкент* в русской речи является его собственно топонимное значение ‘столица Узбекистана’» (2004: 8). Видимо, можно выделить также и более общее значение ‘город’, свойственное всем ойконимам, основанное на их первичной денотативной семе, ср. определение слова *столица* ‘главный город страны’ (БТС: 1272).

Чем известнее имя собственное, тем больше у него информационных и ассоциативных сем. Семантическую структуру гидронима *Волга* можно было расширить значительным числом других ассоциативных характеристик: *транспортная артерия, гидроэлектростанции и водохранилища, крупные города, Жигули, песни, Стенька Разин, издалека долго, колыбель моя* и мн. др. У названий незначительных рек такого семантического объёма нет, фактически присутствует только денотативная связь: Гуселка – река (РВВО: 111). Этот гидроним может существовать только в составе апеллятивно-онимического комплекса (Широков 2001: 3). Однако и в этом случае объём семантики приведенного гидронима может увеличиваться за счёт расширения сферы использования названного этим именем объекта, его узнаваемости, значимости для использующих это название и т.п.

Обязательность / факультативность функционирования онима в составе апеллятивно-онимического комплекса определяется отношением имени собственного к ядру или периферии онимического поля. Ядерные конститuenty, к которым относятся антропонимы (Супрун 2000: 17), употребляются без апеллятивного сопровождения (*Иван, Иванов*), тогда как периферийные единицы проявляют свою семантику только в сочетании с дифференцирующим нарицательным именем: *конфета «Ромашка» – детский сад «Ромашка» – кафе «Ромашка» – ансамбль «Ромашка» – стихотворение «Ромашка»*. Антропонимы с терминами родства образуют неделимые единицы прагаономастического характера: *дядя Коля, тётя Надя, бабушка Ира, дедушка Слава* и пр. (Супрун 2000: 20). Н.Д. Арутюнова говорит о стремлении к таксономической диф-

ференциации онимов с помощью категориального существительного: *фабрика «Красная роза», кинотеатр «Художественный», улица Пречистенка* и пр. (1999: 35).

У разных типов онимов может быть различная семантическая структура. Так, для русского отчества главным является деривационное значение. С помощью суффиксов *-ович/-ич, -овна/-ична/-инична* выражается понятие ‘сын / дочь человека, носящего имя, от которого образовано отчество’. Дополнительно у русского отчества проявляются этнокультурные семы ‘в сочетании с именем является наиболее вежливой формой обращения к человеку’, ‘в деревенской и городской рабочей среде может использоваться самостоятельно как уважительное обращение’. В казахской лингвокультуре такими маркерами служат термины родства *ул* ‘сын’, *кыз* ‘дочь’, которые в совокупности с именем отца образуют отчество: *Баянжанулы* (в этом случае аффиксоид *-улы* выполняют функцию русского суффикса, показателя мужского рода *-ович/-ич*) и *Баянжанкызы* (аффиксоид *-кызы* используется в значении русского показателя женского рода *-овна*) (Мадиева 2010: 164).

Для фамилий деривационная семантика, лежащая в их основе, затемняется, на первый план выходит значение ‘наследственное семейное именование человека, прибавляемое к личному имени, переходящее обычно от отца к детям’ (БТС: 1415). Не все русские фамилии являются суффиксальными образованиями (*Арнаут, Мельник, Автух, Артюх, Андрус*), многие не имеют посессивных формантов (*Суперанский, Подольский, Успенский, Архангельский, Аржановский, Артельный, Атаманский*). Для фамилий важной является дифференцирующая сема ‘указывает на принадлежность человека к определённой семье’ (Подольская 1988: 140).

Исландское отчество в связи с отсутствием фамилий у этого народа в большей степени берёт на себя номинативно-идентификационно-дифференцирующую функцию, выделяя комбинацией имени и отчества отдельного человека и объединяя с помощью отчеств детей одного исландца: *Elin Olafsdottir, Ingþor Olafsson; Sveinbjörn Sveinbjörnsson; Björk Guðmundsdottir*. Исландское законодательство вообще запрещает иметь фамилию, делая исключение только для натурализованных иностранцев и их потомков. Отсутствие фамилии наполняется при этом в социуме этнокуль-

турным содержанием: ‘типичный исландец, не иностранец’.

Подобная двухкомпонентная система *имя + отчество* существуют также и у других народов. У родовитых монголов до XX века антропонимическая формула состояла из трёх частей: родовое имя, отчество, личное имя, однако при социализме родовые имена были запрещены, остались только имена и отчества: *Жүгдэрдэмидийн Гүррагчаа* (сначала идёт отчество – имя отца в родительном падеже, затем личное имя). Русские женщины, выйдя замуж за монголов, брали в качестве фамилии имя или отчество мужа. С 2000 г. в Монголии вновь разрешены фамилии. Некоторые вернули прежние родовые имена, другие придумали фамилии по роду деятельности или на других основаниях: космонавт Гуррагча взял себе фамилию *Сансар* ‘космос’. В Эфиопии семьи также не имеют постоянных фамилий. Ребенку даётся имя, после которого следует имя отца: у эфиопского стайера и марафонца Хайле Гебреселассие отца зовут Гебреселассие Бекеле; известный амхарский писатель Мэнгысту Лемма родился от Лемма Хайлу. Сложнее система именованья у арабов, она включает отчество, дедичество и даже имена более далёких предков, которые могут считаться семейными именами: *Мухаммед Ахмед Амир Сулейман Шараф-Эль-Дин* < личное имя Мухаммед, отец Ахмед, дед Амир, прадед Сулейман, прапрадед Шараф-Эль-Дин.

Русский антропоним способен обладать сакральной семантикой. Церковный обряд наречения имени рассматривается как предшествующий таинству крещения, он приравнивается к оглашению, т. е. приготовлению к принятию христианства. Неизбывной составляющей семантики православного имени становится сакральное значение, которое основывается на том, что «имена святых возлагаются на нас в знамение союза членов церкви земной с членами церкви, торжествующей на небесах» (Булгаков 1993: 955). С.В. Булгаков поясняет далее: «Те и другие составляют одно тело под единою главою Христом и находятся в живом общении между собою. Святые, обитающие на небесах, по любви к братьям своим, живущим на земле, принимают живое участие в их судьбе <...>» (там же).

По мнению православных богословов, «имя действительно направляет жизнь личности по известному руслу и не даёт потоку жизненных процессов протекать где попало» (Флоренский

1998: 510). Сакральная сема есть только у собственно ядерных конститuentов ономастического поля, у некоторых единиц и в некоторые периоды развития общества она может иметь нулевую представленность, однако со времени возникновения религии как формы общественного сознания её проявление становится важным параметром семантики антропонима.

Для понимания онимической семантики важно рассмотрение имён собственных как части речи. Российский учёный, основатель Екатеринбургской ономастической школы А.К. Матвеев в своей книге «Ономатология», а также ранее в статье «Ономастика и ономаология» предложил различать ономастику как совокупность собственных имён и оноματοлогию – науку об именах собственных (Матвеев 2005: 5; Матвеев 2006: 16). Ранее в статье «Апология имени» учёный заявлял, что «нецелесообразно предлагать новые термины, тем более что стаж тех, которыми мы пользуемся, уже превышает два тысячелетия» (Матвеев 2001: 87; Матвеев 2006: 5).

Высказав это замечание, А.К. Матвеев далее подвергает ревизии устойчивое противопоставление *имя собственное (nomen proprium)* – *имя нарицательное (nomen appellativum)*, полагая, что онимы выходят за рамки лексики (Матвеев 2006: 6). Действительно, среди имён собственных встречаются глагольные слова, словосочетания различного состава, структуры, равные предложению (см. многочисленные примеры – Матвеев 2006: 5). Трудно установить частеречную принадлежность онима в языках изолирующего и полисинтетического строя: в первых сложно отличить сложное слово от словосочетания (в китайском языке, например), для вторых характерно включение в состав глагола сказуемого прямого дополнения и других членов предложения (Журиная 1990: 511), что сказывается на структуре и восприятии микропонимов и других имён собственных.

Однако даже такая специфика онимов не позволяет усомниться в субстантивности имени собственного. Только став именем существительным, оним выполняет все свои функции: номинативно-идентификационно-дифференцирующую, информационную и экспрессивную, познавательную и аккумулирующую (Подольская 1988: 145). Как и любое слово, имя собственное проявляет себя в контексте, в предложении, в котором оно всегда занимает позиции, свойственные существительному: *Пришёл*

Умойся Грязью. Отдайте это Ивану Затуливетру / Нине Затуливетер. Я ходил на охоту с Угадаем. Мы читали «Как закалялась сталь». Евгений просидел весь вечер в «Кинь грусть».

Много ещё будет написано об онимической семантике. Эта проблема постоянно получает новые импульсы для размышления при обращении к ранее не исследованным или слабо изученным именам, к специфическим разрядам и типам онимов, к языкам разной типологии и генеалогии. Языковые факты и явления столь разнообразны и многоплановы, что они с трудом укладываются в строгие логические рамки, всё время стремятся сломать стереотипы, выйти за пределы таксономии, проявить свою уникальность. Но это не значит, что понять семантическую природу онимов невозможно. Каждое следующее осмысление этой проблемы становится новым шагом на пути к недостижимой цели – создать непротиворечивую и полную теорию имени собственного.

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. О природе ономастической семантики // Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII междунар. конф. Волгоград: Перемена, 1998. С. 165-168.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. 896 + XV с.
3. Балкански Т., Цанков К. Энциклопедия на българската ономастика: Към основите на българската ономастика / Великотърновски ун-т «Св. св. Кирил и Методий»; Център на българска ономастика «Проф. Николай Ковачов». Велико Търново: Фабер, 2010. 552 с.
4. БТС = Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
5. Булгаков С.В. Настольная книга священноцерковно-служителей. Ч. I-II. М.: Издат. Отдел Моск. патриархата, 1993. 1172 с. (единая пагинация) (Репринт. воспроизведение изд. 1913 г.).
6. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Денотат // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990а. С. 128-129.
7. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Референт // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990б. С. 410-411.
8. БЭС = Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 2-е, перераб.

- и доп. М.: Больш. Рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 2001. 1456 с.
9. Гак В.Г. Лексическое значение слова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 261-263.
 10. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В трёх томах. М.: АСТ; Астрель, 2006.
 11. Журина М.А. Типологическая классификация языков // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 511-512.
 12. ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
 13. Мадиева Г.Б. Имя собственное в контексте познания. Алматы: Арыс, 2010. 240 с.
 14. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теоретические основы ономастики: Учеб. пособие. Алматы: Арыс; Волгоград: Перемена, 2011. 280 с.
 15. Матвеев А.К. Апология имени // Известия Урал. гос. ун-та (Екатеринбург). 2001, №21. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 11. С. 86-92.
 16. Матвеев А.К. Ономастика и ономотология // Вопросы ономастики (Екатеринбург). 2005, №2. С. 5-10.
 17. Матвеев А.К. Ономотология. М.: Наука, 2006. 292 с.
 18. Новиков Л.А. Сема // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 437-438.
 19. Отин Е.С. Русская ономастика в Русской энциклопедии. Иван. Иванов // Русская ономастика и ономастика России: словарь. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 7-11, 85-90, 91-92.
 20. Отин Е.С. Материалы к Словарю коннотативных собственных имён (буква А) // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. VI. Донецк, 2000. С. 108—151.
 21. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён. Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2004. 412 с. 2-е изд. М.: А Темп, 2006. 440 с. (Сер. Филологические словари русского языка).
 22. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с. 2-е изд. перераб. и доп. 1988. 192 с.
 23. РВВО = Крюкова И.В., Супрун В.И. Реки и водоёмы Волгоградской области: Гидронимический словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2009. 380 с.
 24. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
 25. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
 26. Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 912 с. (Сер. Антология мысли).
 27. Широков А.Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.
 28. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Рецензия

Л.К. Жаналина. Интегративное словообразование: Монография.

– Алматы: КазНПУ им. Абая, 2011. – 492 с.

Русское языкознание в целом и русистика Казахстана продолжают углубленное исследование русского языка как в традиционном, так и новом его представлении с позиций сменившихся парадигм знания о языке и культурно-исторических парадигм времени, активизировавших внимание к языку как средству коммуникации в разных формах его применения. Изменившиеся парадигмы времени, особенно начиная с середины 80-х годов прошлого столетия, резко изменили прежде всего функциональный облик русского языка, охватив

практически все его уровни. Но особенно заметными такие новшества, вызвавшие соответственно и структурные трансформации, оказались на лексико-семантическом уровне русского языка, в том числе и на такой пограничной его полосе (или пространстве), как словообразование. Не случайно в последние годы отмечается повышенное внимание исследователей к такому аспекту осмысления языковых фактов, которое было названо узальной лексемой *состояние*, выступающей теперь в лингвистических работах с оттенком терминологии.